

Марцинковская Т.Д. Российская психология на сломе эпох: культурологический и науковедческий контекст

English version: [Martsinkovskaya T.D. Russian psychology at the turn of the age: the context of cultural anthropology and science of science](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются специфические черты и тенденции развития российской гуманитарной науки, как общие для российской и европейской науки преимущественно немецкой и французской), так и сугубо самобытные. Анализируются взаимосвязи психологии с философией, естествознанием и искусством, показывается, что подход к искусству как одному из путей исследования бытия приводит к выбору анализа языка, слова (в его различных формах) в качестве ведущего, адекватного для обеих областей (науки и искусства) метода анализа. Обзор концепций первой трети XX века показывает, что именно этот период был одним из наиболее плодотворных в истории российской науки и искусства.

Ключевые слова: российская психология, философия, науковедение, искусство, язык, внутренняя форма слова

Теоретико-методологический анализ развития научного знания предполагает в качестве своего основания параметры оценки как уровней развития этого знания, так и его специфики. В качестве таких параметров, как правило, используются концепции прогресса и специфических (национальных) характеристик науки.

Говоря о концепции прогресса, необходимо отметить, что она в современной науке является априорно принятой, хотя, с моей точки зрения, ее значение и поле деятельности несколько преувеличено. Это понятие, появившееся в эпоху Просвещения, во многом связано именно с тем временем, с теми идеалами и тенденциями в развитии общества и науки, на которые тогда возлагалось много надежд. Однако, как показали почти три века, эти надежды оказались достаточно утопичны, и невозможно с уверенностью утверждать, что мир, человечество и плоды его деятельности – наука, искусство, движутся именно в направлении прогресса. Хотя, естественно, полностью отрицать это понятие, как и любое другое, дающее возможность пусть даже субъективной оценки движения общества и культуры, было бы непродуктивно. Вопрос, на мой взгляд, состоит, во-первых, в определении границ использования этого термина в разных областях человеческой деятельности и, во-вторых, в определении того, насколько универсальны критерии оценки прогресса.

В отличие от общественного развития или развития искусства, в развитии науки границы применения параметров оценки тех шагов, которые она делает, и тех открытий, которые происходят в ее недрах, достаточно широки. В первом случае мы не можем говорить о прогрессивном в собственном понимании этого слова характере движения, так как человек за прошедшие эпохи не стал ни умнее, ни нравственнее, ни добрее, а искусство не стало более эмоционально наполненным, совершенным по форме и т.д. Критерии оценки общественного развития и развития искусства достаточно произвольны и не структурированы. В отличие от них, критерии оценки научного знания достаточно разработаны, хотя и можно поспорить, насколько устарели или не устарели некоторые из них. Возможно, необходима их модификация применительно к разным областям знаний (например, к психологии). Представляется также, что не стоит отождествлять понятие развития, движения, которое, безусловно, происходит в любой науке, если она является живым знанием, с термином «прогресс». Непродуктивным представляется и разделение параметров анализа движения применительно к гуманитарной или естественнонаучной психологии, так как психология не может не быть

полипарадигмальной, и, следовательно, в ней присутствуют элементы и гуманитарного, и естественнонаучного знания. Однако это не мешает психологии оставаться единой наукой и, следовательно, иметь единые критерии оценки развития.

В качестве критерия развития науки большинство ученых использует стремление к рефлексии. Действительно, движение науки невозможно без осознания смысла научной деятельности, путей дальнейшего становления, методологических принципов, по которым строятся исследования. Такая рефлексия является характерной чертой современной науки. Ведь именно научная рефлексия показывает, что универсальных законов не бывает, что любые законы адекватны только для конкретной реальности, сконструированной людьми для объяснения и понимания того мира, в котором они живут. Этот образ мира зависит и от исторического периода, и от социальной ситуации, и от индивидуальных особенностей людей. Недаром в последнее время так активно развиваются история и герменевтика, помогающие объяснить законы, по которым формируются представления людей о действительности и интерпретируется поступающая информация.

Поэтому современная наука, в том числе и психология, исходит из междисциплинарного характера представлений человека о действительности и использует различные дискурсы при интерпретации этих представлений. Особенно важны для психологии связи с философией и естествознанием. Философия обосновывает общие подходы к пониманию человека, уровни детерминации (либо свободы, индетерминированности) поведения. Философский анализ взаимосвязи человека и общества, лежащий в основе этических концепций, раскрывается психологией в правилах, нормах и ценностях, жизненных целях, в том числе и в целях и задачах научного познания. Естествознание показывает, какие объективные параметры лежат в основе психологических закономерностей развития, например как связана динамика работы нервной системы с индивидуальными особенностями людей.

Понимание того, что культура не является чисто внешним фактором, но может менять путь развития научного знания, делая его неопределенным и опосредованным, помогает прояснить, каким образом особенности культурного, социального и исторического развития России сказались на ее науке, что является общим для науки разных стран и в чем проявляется ее национальная специфика.

Сравнительный анализ процесса формирования европейской психологии показывает, что ее развитие опосредуется не только разными отраслями знаний, но и двумя ведущими факторами, определяющими формирование науки, – логикой ее развития, уровнем знаний о человеке, и состоянием общества, социальной ситуацией, ее отражением в сознании ученых – социальной апперцепцией. При этом наибольший интерес представляет изучение не столько прямого воздействия идеологии и политической обстановки в обществе, но именно социальной апперцепции, то есть того, как ученые воспринимали социальную ситуацию, какие ценностные ориентации и научные концепции формировались под ее воздействием.

Общая логика развития наук о человеке приводит к появлению общих черт в теориях, разработанных разными учеными. В то же время проблематика науки, приоритет отдельных аспектов этих теорий, а также специфика их исследования связана, преимущественно, с социальной апперцепцией.

Если логика развития научных знаний, как достаточно объективный фактор, уже изучалась и изучается многими учеными, то фактор социальной апперцепции только начинает исследоваться, хотя его значение не меньшее, а иногда и большее, чем влияние смежных отраслей и уровня имеющихся знаний. Естественно, что различия в образовании, личностных качествах, идеологии приводили к тому, что одна и та же социальная ситуация и рефлексировалась учеными по-разному, и приводила к различным научным концепциям. Однако, несмотря на индивидуальные различия, в определенные периоды и в конкретных социальных группах появляются достаточно близкие по проблематике теории. Это доказывает, что фактор социальной апперцепции может быть объективно исследован при анализе как современных, так и отстоящих во времени психологических теорий. Помогает такому исследованию и оперирование категориальным аппаратом, разработанным М.Г.Ярошевским. Помимо введенных М.Г.Ярошевским параметров (оппонентного круга, надсознательного, когнитивного стиля и т.д.) при исследовании развития гуманитарного знания в России учитывались и такие факторы, как ментальность, индивидуальные особенности ученых, их принадлежность к определенной научной школе.

В зависимости от социальной ситуации меняются взгляды на личность человека, на границы его активности, на цели, которые ставит перед собой общество в процессе социализации людей. В то же время логика развития психологии, состояние смежных наук приводит к появлению методологии, которая также определяет подход к пониманию человека, способам его изучения и использования/интерпретации научных данных. Так оба эти фактора, переплетаясь, влияют и на проблематику исследований, и на психологические эксперименты, и на разработку новых методик, и на появление новых отраслей, например возрастной психологии, психологии искусства, психолингвистики и т.д.

Изучение теорий, разработанных на рубеже XIX–XX веков, доказывает, что оба фактора – и социальная ситуация, и логика развития науки, по-разному влияя на развитие отечественной психологии, определяют ее качественное своеобразие, а также позволяют по характеру постановки и решения основных психологических проблем определить и характер времени, эпохи, в которую жил ученый.

Российская гуманитарная наука в конце XIX века переживала серьезные трансформации, связанные с осознанием своей специфики, поисками своей методологии, своего языка и проблематики. Сходные трансформации происходили и в немецкой гуманитарной науке, которые также были связаны с социальным и культурным контекстом. В Германии таким контекстом было объединение автономных княжеств в единую страну, в России – коренные реформы, изменившие весь уклад российской действительности.

Это показывает, что существует взаимосвязь между развитием ментальности и национальной науки, которая проявляется в том, что для становления науки необходим определенный уровень национального самосознания, рефлексии этнических особенностей. Это развитие самосознания и дает возможность выстроить оригинальную по предмету и методологии науку. В то же время необходимость развития психологических и философских знаний, вытекающая из запросов общества (например, необходимость проведения крестьянской, земской и судебной реформ), из уровня образования и культуры, является стимулом для формирования национального самосознания, для рефлексии и описания идеалов и стремлений, ценностных ориентаций и установок, которым и должны соответствовать и отечественная наука и социальные реформы.

Тенденции, которые были заложены на рубеже XIX–XX веков, особенно отчетливо проявились через несколько десятилетий, после их научной рефлексии и проверки временем, то есть в первой трети XX века. Этот период особенно ярко отражает как логику становления российской гуманитарной науки, так и специфику ее социальной ситуации развития, так как в этот момент еще продолжалось развитие направлений, появившихся в XIX веке, и, одновременно, уже сказывались новые веяния, влияние идеологизации науки и цензуры.

Специфические черты российской науки, оформившиеся к этому времени:

- антропологизм, стремление все исторические и социальные изменения рассмотреть с точки зрения человека, его практической пользы;
- приоритет этической проблематики, а не вопросов познания, как в европейской науке. поэтому философами и психологами считались не только ученые, но и художники, которые решали в своих трудах те же нравственные проблемы, что и ученые;
- стремление к построению универсальных теорий, объясняющих всеобщие мировые закономерности;
- влияние идеологии отечественной интеллигенции

Становление научных школ происходило внутри этой группы, в которой находились и основные оппонентные круги новых научных теорий. С этим связано появление особой проблемы: анализа взаимосвязи правительство-народ-интеллигенция.

Своеобразие российской науки во многом было связано и с тем, что для большинства отечественных психологов главным предметом исследования были явления духовной жизни в их индивидуально-психических проявлениях, то есть, в отличие от зарубежной науки, не всеобщий, но индивидуальный дух, индивидуальная душа стали предметом их анализа и теоретических построений.

Таким образом, можно сделать вывод, что отечественная психология стала развиваться по-настоящему именно с признания первенства индивидуального, личного, а не сверхличного духа, что и стало причиной ее отличия от зарубежной науки. При этом в европейской психологии в качестве сверхличного, объединяющего было признано мышление, то есть рациональное в душе человека. Эта сверхличность является не только объединяющей, организующей функцией сознания, но вырабатывается и формируется коллективными усилиями людей, в недрах социальности, культуры общества, как, например, логика Милля.

В то же время отечественная психология, не отрицая сверхличных элементов в сознании, видела их, прежде всего, в нравственности, также разрабатываемой не отдельными личностями, но коллективами людей, нациями. При этом некоторые ученые пытались свести эти сверхличные компоненты к религии, понимая ее как основу нравственности, которая отличается тем, что не вырабатывается народом, но дается ему в готовом виде.

В целом можно выделить следующие направления, характерные для российской психологии на рубеже XIX–XX веков.

1. Философское, методологически ориентированное:

- на классическую немецкую философию – Кант, Шеллинг (Г.Челпанов, Л.Лопатин);
- на феноменологию Э.Гуссерля (Г.Шпет);
- на духовно-религиозную философию, прежде всего В.Соловьева (С.Франк, Н.Лосский, Н.Бердяев, В.Зеньковский, А.Лосев).

2. Экспериментальное, первоначально методологически ориентированное на английский эмпиризм (М.Троицкий, Н.Грот, В.Экземплярский).

3. Физиологическое, или психофизиологическое (И.Сеченов, Н.Ланге, впоследствии В.Бехтерев, А.Ухтомский).

4. Клиническое (Г.Россолимо, П.Ганнушкин, первоначально – В.Бехтерев).

Осознание кризиса в начале XX века как трансцендентального стимулировало поиск новых парадигм, новых методов и методологии исследования человека и его бытия в различных ипостасях. Переживание кризиса рубежа веков как периода изменения времени (магия чисел), как заката Европы характерно для всей европейской культуры. Это во многом обусловило поворот к искусству, социологии, психиатрии и философии одновременно. Связь психиатрии с психологией обусловлены во многом тем, что кризис личностный, духовный сопоставлялся с кризисом психическим, а разрыв между личностью и обществом, человеком и временем связывался с разладом между душой и телом, психическим заболеванием. Только позже, уже в начале 1920-х годов, появляется идея о кризисе как кризисе развития и роста. Эта идея появляется почти одновременно в российской и немецкой психологии, в то время как представление о родстве личностного и душевного (психиатрического) кризиса появляется практически одновременно в российской и французской науках о человеке. Общим для российской и французской науки был и тот факт, что в обеих странах клиническая и экспериментальная психология объединяются в поисках новых, психологических (а не психофизиологических, антропометрических или клинических), методов исследования психики. При этом общим для всей европейской психологии является тот факт, что именно в рамках экспериментальной психологии ширится стремление к распространению психологических знаний, начинают издаваться журналы, появляются психологические общества.

На рубеже веков в российской психологии начинает осознаваться и специфика психологии как междисциплинарной науки. Это понимание роли и места психологии как основополагающей в системе наук о человеке было заложено еще в работах ученых XIX века, прежде всего в работах Кавелина и Михайловского.

В европейской науке такое понимание роли психологии реализовалось в концепции психологизма (Г.Тард, В.Вудт, Э.Гуссерль). В российской психологии в работах Л.Петражицкого и Д.Овсяннико-Куликовского характерные черты психологизма проявились особенно ярко вследствие

антропологизма и стремления (несколько запоздалого по сравнению с Западной Европой) российской науки к просвещению, распространению знания в народе. При этом в российском психологизме отчетливо видны и тенденции не только положить психологию в основу всех наук о человеке и обществе, но и связать ее с искусством и нравственностью.

Если этическая проблематика рассматривалась при этом как своего рода идеология (и общественная, и личностная, прежде всего как идеология интеллигенции), то искусство как средство осознать, отрефлексировать те смутные переживания, которые фиксировались психологией, в том числе и экспериментальной психологией эмоций, основы которой были заложены Н.Гротом. Таким образом, можно говорить о том, что существовало обоюдное стремление художников и ученых к созданию если не общей методологии, то общей платформы для понимания и исследования человека и общества. При этом художники при создании «науки об искусстве» искали в психологии научный фундамент, а психологи стремились в искусстве ощутить биеение времени, восстановить разорванную «связь времен». Недаром именно в первые десятилетия XX века в России так популярны были пьесы Шекспира, прежде всего «Гамлет», которого не только ставили во многих театрах, но «читали по ролям» в домашних спектаклях, анализировали во многих книгах и статьях. При этом естественным образом на первый план выходила проблема языка, слова в его различных формах, с помощью которых можно и выразить свои переживания, и понять переживания другого.

Одновременно с психологизацией гуманитарных наук появляется и стремление к объективации гуманитарного знания, к поиску общей для всех наук о человеке методологии, на роль которой психология, как наука эмпирическая, претендовать не могла.

Вторичный (после середины XIX века) поворот к философии в первые десятилетия XX века произошел потому, что нужно было методологическое обоснование и исследование тех переживаний, тех эмоций, которые были «кристаллизованы» в искусстве. Таким основанием не могло стать искусствоведение как сугубо (как и психология) эмпирическая наука. Необходимо было задать какие-то критерии для эмпирических исследований, их границы и инструментарий (методы) изучения и параметры и/или критерии оценки. Но одновременно вставал вопрос о том, какая философия может стать таким методологическим основанием?

Духовно-религиозная философия исключает возможность гносеологии и вообще познания как объективной данности, хотя и сближается с поэзией (В.Соловьев – А.Белый – А.Блок). То есть она дает основания для кристаллизации и рефлексии переживания, но это переживание, но не познание, понимание человека и времени. Для психологической науки нужны были другие основания, а философы этого направления разочаровывались в психологии и уходили в «чистую» философию (Н.Лосский, С.Франк).

Поэтому естественным стало обращение экспериментальной психологии уже не к эмпиризму, но к немецкой философской школе феноменологии. Однако в российской науке эти философские концепции претерпевали достаточно значительные изменения. Положения классической немецкой гносеологии российские ученые использовали для того, чтобы на ее основе решить проблему свободы воли (осознание – возможность встать над полем). Однако, по мнению Л.Лопатина, Г.Челпанова, Н.Кареева и других ученых, эта философия не давала ответов на главные вопросы: какой образ лежит за мыслью, как связываются представления и переживания с реальным поведением «здесь и сейчас».

Феноменология Э.Гуссерля, с этой точки зрения, также отгораживалась от реальной жизни, ставя во главу угла феномены «чистого сознания». Поэтому Г.Шпет встал перед необходимостью модификации абстрактного (отрешенного) бытия в бытие социальное, постигаемое не с помощью интеллигентной интуиции, но с помощью герменевтического анализа. Поэтому в российской гуманитарной науке можно наблюдать удивительные попытки соединения французских и немецких исследовательских традиций, феноменологии и социологии, абстрактного бытия с социальным через искусство, а методом исследования этих видов бытия сделать язык, его разные формы.

При этом необходимо отметить, что положение о том, что язык может стать инструментом познания культуры и времени, было, как и многое другое, заложено также еще в XIX веке в работах А.Потебни. Он заговорил о необходимости культурно-исторического подхода к психике человека, подчеркивая,

что психология, как и языкознание, есть наука об истории душевных явлений в пределах жизни личной или народной. Овладение языком ведет к осознанию эстетических и нравственных идеалов, поэтому связано с социализацией и инкультурацией человека, хотя и не тождественно этим процессам. Помимо концепции языка им была введена и важнейшая для науки XX века идея медиации (опосредования). А.Потебня считал, что человек отличается от животного тем, что обладает словом, то есть орудием, которое он создал для совершенствования своей мысли, и машиной, то есть орудием, которое он создал для усовершенствования своих действий. Эти представления, так же как и положение И.Сеченова об интериоризации орудий (знаков) в процессе общения, стала ведущей в концепции высших психических функций Л.Выготского.

Наиболее ярко представление о том, что будущее науки основано на межпредметных связях и реализуется в синтезе науки и искусства, проявилось в работах ГАХН и одного из ее (ГАХН) идеологов Г.Шпета. Шпет считал, что язык, как и логика, должен стать универсальным методом исследования большинства наук, не только гуманитарных, но и естественных, так как он дает возможность открывать законы понимания и объяснения мира. Преимущество языка перед логикой, которое отмечает Шпет, состоит в том, что язык не оставляет в стороне социальные причины, бытие людей (как это происходит с логикой), а потому расширяет рамки познания, давая возможность понять не только внешнюю динамику, но и причины появления определенных событий, действий людей.

Межкультурные исследования, подчеркивал Г.Шпет, дадут возможность найти всеобщие принципы, объясняющие закономерности не только научного знания, но и всеобщего бытия, в том числе и искусства, и культуры. Отсюда тезис о том, что в искусстве соединяется все, что было разорвано, разъединено в поисках отдельных объяснительных принципов — как принципов естественных и гуманитарных наук, так и житейских. На этом положении базируется и герменевтика, разрабатываемая в тот период Шпетом, в которой общей единицей, связывающей межкультурные отношения в единое целое, является внутренняя форма слова.

Таким образом, можно говорить о том, что первая треть XX века является временем расцвета российской гуманитарной науки и искусства. Именно в этот период появляются новые научные школы и новые направления в искусстве. Тенденции, заложенные в XIX веке, разворачивались и набирали силу, стимулированные, возможно, и энергией революционной стихии, еще не потерявшей своего обаяния. Можно только гадать, какие теории и какие открытия могли бы появиться в дальнейшем, если бы не внешние жесткие условия, в которые были поставлены и наука, и искусство в последующие десятилетия.

Исследование поддержано грантом РГНФ – CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique, Франция) «Взаимосвязь и взаимовлияние российской и французской гуманитарной науки в первой половине XX века», проект 09-06-95321а/фр.

Библиографическое пособие по теме статьи

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс – Политика, 1992. 608 с.

Бельй А. Начало века: в 3 кн. М.: Художественная литература, 1990.

Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Азбука-Классика, 2008. 320 с.

Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 448 с.

В защиту интеллигенции: сборник статей. М., 1909.

Гершензон М.О. Исторические записки // М.О. Гершензон. Избранное: в 4 т. М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 3. С. 427–532.

Джемс В. Психология. М.: Педагогика, 1991. 369 с.

- Дильтей В.* Описательная психология. М.: Алетейя, 1996. 160 с.
- Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 641 с.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Едиториал УРСС, 2001. 256 с.
- Марцинковская Т.Д.* Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Блиц, 1994. 155 с.
- Методологические проблемы современной психологии* / под ред. Т.Д.Марцинковской. М.: Смысл, 2004. 183 с.
- На переломе.* Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрения / сост. П.В.Алексеев. М.: Политиздат, 1990. 528 с.
- На перепутье (Новые вехи):* сборник статей. М.: Логос, 1999. 240 с.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. М., 1906.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М.: Академия, 2003. 496 с.
- Психология науки* / Аллахвердян А.Г. [и др.]. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та: Флинта, 1998. 310 с.
- Соловьев В.С.* Избранное. М.: Сов. Россия, 1990. 491 с.
- Соловьев В.С.* Сочинения / сост., вступ. ст. и примеч. А.В.Гулыги. М.: Раритет, 1994. 444 с.
- Степун Ф.* Россия накануне 1914 года // Вопросы философии. 1992. N 9. С. 85–120.
- Теория и методология психологии* / под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: ИП РАН, 2007. 624 с.
- Федотов Г.П.* Лицо России // Вопросы философии, 1990. N 8. ; *Федотов Г.П.* Лицо России: собрание статей: в 6 т. Париж, 1973. Т. 1.
- Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. М.: Наука, 1995. 656 с.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
- Харре Р.* Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17, N 2. С. 3–15.
- Шпет Г.Г.* Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005. 479 с.
- Шпет Г.Г.* Философия и психология культуры: избранное. М.: Наука, 2007. 478 с.
- Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб : Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1995. 351 с.

Поступила в редакцию 2 сентября 2009 г. Дата публикации: 28 декабря 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Марцинковская Т.Д. Российская психология на сломе эпох: культурологический и науковедческий контекст [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 6(8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)